

с. 1.

Изъ дневника публициста.

XLII.

Нашъ народъ у Чехова.

Да, сегодня о колоссѣ—о нашемъ простомъ народѣ, о народѣ, что называется, въ кавычкахъ.

Русская литература давно держитъ привѣтливо открытыя двери для нашего народа, давно занимается имъ, давно пытается посильно, разрѣшить наболѣвшія его сомнѣнія. Въ этомъ отношеніи мы въ правѣ гордиться передъ Западомъ.

Еще въ эпоху сороковыхъ годовъ, когда русская мысль вступала на путь демократизаціи, а русское общество въ лицѣ своихъ наиболѣе блестящихъ руководителей—на путь сближенія съ дотолѣ невѣдомымъ ему народомъ, въ это время широкая и уже величавая рѣка нашей беллетристики приняла новый притокъ, вначалѣ небольшой и еле журчащій, затѣмъ постепенно углубляющій свое русло, расширяющій берега, требующій простора, шири, свободы. Сила этому источнику была дана впервые *„Записками Охотника“* Тургенева, затѣмъ выступаетъ Григоровичъ, за нимъ Толстой и Достоевскій—*„Записки изъ мертвого дома“*—и даже такой баринъ, какъ Гончаровъ, не могъ не отдать долга народу, написавъ нѣсколько типовъ дворовыхъ слугъ и довольно ярко обрисовавъ матросовъ въ *„Фрегатѣ Палладѣ“*. Если мы присоединимъ сюда извѣстную писательницу Марко Вовчокъ, то и закончимъ народническую беллетристику сороковыхъ годовъ, выходящую изъ-подъ пера писателей помѣщиковъ, хотя, правда, мало знающихъ жизнь народа, но—что самое главное—проповѣдающихъ, что мужики вовсе не двуногій выюнный скотъ, не имѣющій образа и подобія человѣческаго, а такіе же люди, какъ и они сами, и изображающихъ страданія и невгоды, какія выносилъ народъ подъ ярмомъ крѣпостничества. Если возрѣнія этихъ первыхъ народниковъ и были идеалистически-сентиментальны, то во всякомъ случаѣ они были искренни, горячи и глубоки. Вспомните, читатель, свое первое непосредственное впечатлѣніе отъ только что прочитаннаго *Хери и Калиныча* или *Антоня Горемыки*... Развѣ вамъ не становились дороги эти люди, близки, симпатичны? Судите же,

насколько это впечатлѣніе въ свое время было сильнѣе...

Противоположностью такого описанія народа были ближайшіе наслѣдники сороковыхъ годовъ—писатели второй половины пятидесятихъ годовъ. Они взялись за то же дѣло, но съ другого конца и идеалистически-сентиментальное отношеніе къ народу замѣнили, если можно такъ выразиться—смѣхотворно-отрицательнымъ. Наиболѣе яркіе его представители—Николай Успенскій и В. Слѣпцовъ, сдѣлали, однако, крупную ошибку: въ своемъ смѣхотворно-отрицательномъ отношеніи къ народу они хотя и думали внушить читателямъ весь тотъ ужасъ положенія, до котораго доведенъ народъ крѣпостнымъ правомъ, но выставляемые ими факты при ихъ освѣщеніи могли служить доказательствомъ какъ разъ необходимости того же крѣпостного права. Смѣхъ былъ въ высотъ и потому не производилъ должнаго впечатлѣнія, въ немъ не было горячихъ слезъ...

Успенскому и Слѣпцову наслѣдовали Максимовъ, Данилевскій и Медвѣниковъ, называемые представителями „административно-бюрократическаго“ отношенія къ народу. Это, такъ сказать, полуофициальные изслѣдователи народной жизни, и останавливаться на нихъ сегодня я считаю лишнимъ, такъ-же какъ и на славянофилахъ: Н. Якушкинъ, П. Кирѣевскій, Рыбниковъ, Безсоновъ и др. Это предметъ особой бесѣды.

Но вотъ къ концу пятидесятихъ годовъ писателями жизни народной являются уже не дворяне-помѣщики, а народившіяся разночинцы. На сцену выступаютъ такіе громадныя силы, какъ Рѣшетниковъ, Левитовъ, Наумовъ. Эти люди внесли въ народную литературу свой особый, специфическій колоритъ, и до сихъ поръ упорно держащіеся въ народнической беллетристикѣ. Правда, они не были истыми художниками слова: они грѣшили противъ техники художественнаго творчества, они не могли дать своимъ произведениямъ той стройности, законченности и умѣнья заинтересовать читателя, приковать его вниманіе, какъ это дѣлали маститые беллетристы сороковыхъ годовъ, но зато все это выкупалось новой струей, влитой ими въ свои произведения, струей трезвой, нелицепріятной правды, близости къ народу, глубокимъ знаніемъ не только основныхъ условій его жизни, но и всѣхъ ея мелочей. Въ цѣломъ рядъ перво-классныхъ произведеній этихъ авторовъ льются горькія слезы ужасной нищеты и

сиротства, повсюду какая-нибудь стихийная безжалостная сила ломить беззащитную слабость, на каждом шагу гибнет чья-нибудь молодая, развивающаяся жизнь, цѣлый непрерывный ряд возмутительныхъ сценъ, кровавыхъ дикихъ драмъ проходитъ передъ вами и прямо леденитъ сердце своимъ страшнымъ ужасомъ, не говоря ужео томъ, что всѣ эти драмы, различаясь въ подробностяхъ, въ деталяхъ, имѣютъ въ своей основѣ какую-нибудь роковую, систематическую борьбу: вашимъ глазамъ представляется мрачная картина съ средне-вѣковымъ колоритомъ, въ образахъ которой все зависитъ отъ той роли, которая выпадаетъ на долю слѣпного случая... Словомъ, вы въ дебряхъ народной русской жизни и вы это чувствуете въ каждой строкѣ.

Но вотъ этотъ періодъ, періодъ когда жизнь народа разсматривалась преимущественно съ точки зрѣнія отношенія ея къ другимъ слоямъ общества, когда главное вниманіе было обращено на выясненіе политико-экономическихъ и социальныхъ условій народнаго быта, на обезпеченность народныхъ массъ, ихъ безправіе и эксплуатированіе со стороны всякаго рода проходивцевъ, — смѣнился другимъ, порожденнымъ семидесятыми и восьмидесятыми годами, когда особенное вниманіе обратили на внутреннія основы крестьянскаго быта, на его устой въ видѣ общиннаго начала и на идеалы, такъ отличающіе крестьянина отъ горожанина. Въ этотъ періодъ выступили Глѣбъ Успенскій и Златовратскій.

Разница этихъ двухъ писателей громадна, они прямо полярны другъ другу. Преобладающая черта таланта Успенскаго — юморъ, смѣхъ; Златовратскій серьезенъ, строгъ, даже не улыбнется. Успенскій разбиваетъ всѣ наши иллюзіи; Златовратскій ихъ подчасъ создаетъ, впадаетъ въ паеосъ. Успенскій дѣловитъ, не желаетъ знать природы, не даетъ вамъ ни одного чисто художественнаго аксессуара, такъ сказать ригористъ; Златовратскій образенъ, художественъ, любитъ изображать природу, и незаурядный мастеръ въ описаніяхъ ландшафтовъ. Успенскому всегда точно некогда отдѣлывать свою мысль, некогда помнить, что онъ мастеръ-беллетристъ, у него воплотилъ царствуетъ манера выражающаяся короткой формулой: „такъ написалось!“ Златовратскій отдѣлываетъ, сглаживаетъ, полируетъ, воплощаетъ все въ изящную форму. Успенскій всюду видитъ противорѣчія, отступленія отъ идеаловъ, большую совѣсть; Зла-

товратскій вѣчно въ поискахъ этическихъ и социальныхъ устоевъ, какъ средства для успокоенія тревожнаго, жаждущаго-правды нутра.

За этими главными представителями извѣстныхъ эпохъ народнической беллетристики слѣдуетъ еще много русскихъ именъ, часто очень почетныхъ, но я ихъ не отмѣтилъ просто потому, что они не принадлежатъ ни къ тѣмъ, которые посвятили себя специально такому роду творчества, ни къ тѣмъ, которые проявили себя въ ней особенно ярко и — что самое важное — самобытно. Вѣдь, въ сущности рѣдкій изъ русскихъ беллетристовъ послѣднихъ тридцати лѣтъ не входилъ въ область народной жизни, не сказалъ о ней что-нибудь. Кому не извѣстны *Губернскіе очерки* Салтыкова, его *Отставной солдатъ Пилипенковъ*, *Пашковина*, *Старецъ*, *Аркинушка*; кто не читалъ *Около денегъ* Алексѣя Потохина, *Хронику села Смурина* Засодимскаго?

Кое-какіе общіе корни съ народничествомъ, представителей котораго мы перенбрали, имѣются и у Каронина (Петропавловскаго), Эртеля, Мачтета, но присущій имъ душокъ дѣлаетъ ихъ произведенія нѣсколько искусственными. Первые два автора подраздѣляютъ родъ челоѳическій на два лагеря: интеллигентъ и мужикъ, и въ первомъ воплощаютъ всю мерзость, во второмъ все высокое, добродѣтельное. У г. Мачтета натяжка другого сорта: онъ создалъ „дѣящихъ“ и „сѣдѣемыхъ“: къ первымъ принадлежатъ всѣ подлецы, ко вторымъ рыцари чести и долга...

Нѣсколько въ сторонѣ отъ всѣхъ стоитъ Короленко, какъ по громадному таланту, богатству художественнаго матеріала, по удивительной наблюдательности, такъ и по высокому уровню образованія и определенной ширинѣ міровоззрѣнія. Этотъ выдающійся беллетристъ, всегда какъ-то заставляющій ставить себя не въ общую группу, рѣзко отъ нея отдѣляющійся, беретъ мрачныя стороны народной жизни, темныя ея моменты, но никогда нигдѣ еще не выразилъ пессимизма. Вѣра въ лучшее будущее составляетъ его основную духовную черту, и вотъ этимъ-то и объясняется, по моему, то громадное вниманіе, какое выпадаетъ на долю его произведеній. Это не разочарованный, размякшій пессимистъ, а челоѳкъ, твердо вѣрающій въ свѣтлое будущее.

Читатель, пожалуй, пораженъ той страшной дырой, которая образовалась въ моемъ обзорѣ народнической беллетристики и, конечно, спрашиваетъ себя да

что же Чехова и Горькаго, неужели г. Лемус забылъ? Нѣтъ, читатель, я ихъ не забылъ, о нихъ-то я и намѣреваюсь говорить, говорить долго, но положеніе, занятое ими въ литературѣ настолько своеобразно, настолько видно и высоко, что мнѣ не представлялось возможнымъ говорить о нихъ раньше, чѣмъ я не сдѣлалъ, такого, по моему, необходимаго введенія, не познакомилъ вкратцѣ васъ съ исторіей нашей народнической беллетристики. (Это слово прошу понимать въ его чисто грамматическомъ значеніи, независимо отъ значенія публицистическаго).

Сейчасъ наша журналистика обогатилась двумя произведеніями этихъ колоссальныхъ писателей: повѣстью Чехова „Въ оврагѣ“, помѣщенной въ январской книжкѣ „Жизни“, и „Мужикомъ“ Горькаго, начатымъ имъ съ мартовской книжки того же журнала. Но оба эти писателя такъ противоположны, что мнѣ кажется безусловно необходимыми не разсматривать ихъ вмѣстѣ, а раньше поговорить объ одномъ, а затѣмъ уже о другомъ.

Начинаю съ Чехова. Сегодня мнѣ остается очень мало мѣста, и потому, оставляя разбор самой повѣсти до слѣдующаго раза, я скажу только нѣсколько словъ объ общемъ значеніи этого мощнаго таланта.

Подобно большинству беллетристовъ восьмидесятихъ годовъ, Чеховъ прежде всего pessimистъ. Въ его произведеніяхъ вы не отыщете ни отраднхъ перспективъ, ни свѣтлыхъ явленій съ извѣстнымъ субъективнымъ освѣщеніемъ. Когда вы читаете произведенія Чехова, то все время находитесь подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какъ будто создавшій ихъ художникъ макалъ свою кисть исключительно въ черноту человѣческихъ злодѣяній, въ кровь, въ слезы гибнущихъ жертвъ. Но громадное отличіе чеховскаго pessimизма отъ pessimизма другихъ талантовъ литературы именно въ томъ и заключается, что его pessimизмъ не обычный, разрушающій, расслабляющій, а созидаящій, стимулирующій. Прочтя любое изъ произведеній Чехова, вы не выносите впечатлѣнія безнадежности и какъ бы поощренія всякой пассивности, а наоборотъ, самая тяжесть и неотвратимость нарисованныхъ бѣдъ стимулируютъ васъ на активное внимательство въ жизнь, на желаніе дѣлать и работать больше, чѣмъ вы дѣлали до тѣхъ поръ. Чеховъ врядъ ли ни больше другихъ—беллетристъ-публицистъ. А такая беллетристика есть почти исключи-

тельно русское достояніе и, несомнѣнно, порождена чисто русскими условіями общественной жизни. На Западѣ среди первоклассныхъ писателей вы встрѣчаете людей, отдающихъ именно художественному творчеству—въ Россіи это рѣдкость, обреченная къ тому же на общее невниманіе. Въ своей литературѣ мы жаждемъ поученія, жаждемъ публицистики. Здѣсь я не могу не привести одно довольно мѣткое сравненіе общества и литературы, сдѣланное нѣмецкимъ критикомъ и публицистомъ Гарденомъ.

„Въ комнатѣ больного, съ плотно запертыми и тщательно завѣшанными окнами, въ который не проникаетъ ни одна струя свѣжаго воздуха, ни одинъ яркій лучъ солнца, гдѣ всѣ ходятъ на цыпочкахъ и говорятъ только вполголоса, — у постели страждущаго сидитъ человѣкъ и читаетъ ему о чужихъ, но близкихъ ему страданіяхъ, читаетъ проникнутую нѣжнымъ сочувствіемъ повѣсть о нуждѣ и горѣ, о безплодной тратѣ цѣлыми поколѣніями лучшихъ своихъ силъ на порыванія къ правдѣ и свободѣ, объ утратѣ вѣры въ возможность лучшаго будущаго, о бѣгствѣ въ квиетизмъ индійскаго факира... Неподвижно лежа въ постели, больной внимательно прислушивается къ этому тихому чтенію. Въ сумракѣ одиночества его чувства стали очень тонкими, и умъ его жадно впитываетъ всякое новое движеніе жизни. Для него это чтеніе — не простая забава или развлеченіе, какъ для здороваго человѣка, который можетъ свободно двигаться на свѣжемъ воздухѣ и при яркомъ свѣтѣ: въ повѣсти, которую онъ слушаетъ, является ему отраженіе жизни и дѣятельности, которой онъ лишенъ въ своемъ вынужденномъ покоѣ... Врачъ не позволяетъ ему вставать съ постели, — и ему пошевольт приходится довольствоваться одной только литературой, которая не можетъ нарушить кладбищенскаго покоя въ искусственно затемненной комнатѣ“.

Можетъ быть, эта параллель не совсѣмъ точна, но во всякомъ случаѣ она вполне образно рисуетъ взаимоотношенія нашего общества—„больного“ и нашей литературы — „чтеца“. Только за удовлетвореніе этимъ требованіемъ мы цѣнимъ талантливаго писателя, только съ этой точки зрѣнія мы и разсматриваемъ его произведенія.

LEMUS.

(М. К. Лемке)